

Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле.

Бытие 1: 28

Конь мистера Кеттлуэлла

Рано поутру я редко бываю в форме, а уж тем более в первые дни йоркширской весны, когда пронизывающий мартовский ветер задувает с холмов, забирается под одежду, щиплет нос и уши. Безрадостная пора, самая неподходящая, чтобы стоять посреди мощеного двора маленькой фермы и смотреть, как красавец-конь издыхает из-за моей некомпетентности.

Началось все в восемь. Я как раз кончал завтракать, и тут позвонил мистер Кеттлуэлл.

— У меня, значит, рабочий конь весь бляшками пошел.

— Да? А какими бляшками?

— Ну, круглыми такими, плоскими. Они у него по всему телу высыпали.

— И появились они внезапно?

— Вечером он был как огурчик.

— Хорошо. Я сейчас же его осмотрую.

Мне просто руки хотелось потерять от удовольствия. Уртикария. Обычно она проходит сама собой, но инъекция ускоряет выздоровление, а мне не терпелось испытать новое антигистаминное средство — оно рекомендовалось именно для таких случаев. Как бы то ни было, превосходная возможность для ветеринара показать себя. День начинался очень приятно.

В пятидесятых годах на фермах прочно воцарился трактор, однако сохранялось еще довольно много рабочих лошадей, а добравшись до мистера Кеттлуэлла, я увидел, что мой пациент — это нечто особенное.

Фермер вывел его из стойла во двор. Великолепный шайр, восемнадцать ладоней в холке, не меньше. Благородная голова, которую он, шагая ко мне, гордо вскидывал. Я глядел на него с чувством, близким к благоговению, любуясь крутым изгибом шеи, широкой грудью, мощными ногами с густыми щетками над массивными копытами.

— Какой чудесный конь! — ахнул я. — Просто гигант!

Мистер Кеттлуэлл улыбнулся с тихой гордостью.

— Да что уж, конь что надо. Я его месяц как купил. Нравится мне, чтобы в хозяйстве был справный коняга.

Мистер Кеттлуэлл был маленьким, щуплым, довольно пожилым, но еще бодрым и энергичным. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы похлопать мощную шею. Конь воспользовался этим и благодарно потерся о него мордой.

— И ласковый такой, смирный.

— Да, когда лошадь не только красива, но и нрав у нее добрый — это многого стоит. — Я провел ладонью по коже, покрытой типичными бляшками. — Несомненно, уртикария.

— А это что?

— Иногда ее называют крапивницей. Вид аллергии. Возможно, он съел что-то не то, но обычно установить причину бывает трудно.

— И что, болезнь серьезная?

— Нет-нет. Вот сделаю ему инъекцию, и скоро все пройдет. Ведь так он здоров?

— Ага. Здоровее некуда.

— Отлично. Иногда животное в таких случаях чувствует себя неважно, но ваш молодец просто пышет здоровьем.

Набирая в шприц антигистаминный препарат, я подумал, что в жизни не говорил более правдивых слов. Великан прямо-таки лучился здоровьем.

Во время инъекции конь не шевельнулся, и я уже хотел было убрать шприц, но тут мне в голову пришла новая мысль. От уртикарии я обычно применял собственный препарат, и он всегда давал хорошие результаты. Пожалуй, для верности стоит ввести и его. Пусть этот великолепный конь побыстрее и понадежнее избавится от своей хвори. Я рысью сбегал к машине за моим надежным средством и ввел обычную дозу. Великан опять и ухом не повел. Фермер засмеялся.

— Ей-богу, ему ваш укол нипочем.

Я сунул шприц в карман.

— Да-да. Жаль, что не все наши пациенты такие терпеливые. Он молодчага.

«Вот это, — думал я, — праздник, а не лечение». Простой случай без осложнений, приятный фермер, кроткий пациент и к тому же истинное воплощение лошадиной красоты — я готов был любоваться им хоть весь день. Мне не хотелось уезжать, но меня ждали другие срочные вызовы. И все-таки я никак не мог сдвинуться с места, вполуха слушающая рассуждения мистера Кеттлуэлла о перспективах окота.

— Ну что же, — сказал я наконец, — мне пора. — И я уже было собрался уйти, как вдруг заметил, что фермер оборвал свою речь.

Молчание длилось минуту-другую, а потом мистер Кеттлуэлл пробормотал:

— Его чего-то пошатывает.

Я поглядел на коня. У него чуть подрагивали мышцы ног. Дрожь была практически незаметной, но она распространялась все выше, и вот уже начала подрагивать кожа на шее, спине и крупе. И дрожь постепенно усиливалась.

— Что это? — спросил мистер Кеттлуэлл.

— Небольшая реакция на укол. Сейчас пройдет. — Я пытался говорить с небрежной уверенностью, которой отнюдь не испытывал.

Мало-помалу дрожь охватила коня с головы до копыт, становясь все интенсивнее, а мы с фермером смотрели и молчали. Мне чудилось, что я стою так целую вечность, пытаюсь придать себе безмятежный вид. Я просто не верил своим глазам. Такое внезапное, необъяснимое изменение! Для него же нет причин! У меня застучало сердце, во рту пересохло: дрожь сменилась судорогами, сотрясавшими все тело коня, и его глаза, недавно такие спокойные, выкатились от ужаса, а на губах заклубилась пена. Мысли вихрем неслись у меня в голове. Пожалуй, не следовало сочетать эти две инъекции... Но не могли же они дать такой страшный эффект! Никак не могли.

Секунда проползала за секундой, и я чувствовал, что долго не выдержу. Кровь стучала у меня в ушах. Ему же, конечно, должно стать лучше. Ведь хуже уже некуда.

Я ошибся. Почти незаметно могучий конь начал покачиваться. Сперва слегка, потом сильнее, сильнее, и вот он уже наклоняется то на один бок, то на другой, словно столетний дуб в ураган. О господи! Он сейчас упадет, а это конец! И ждать оставалось недолго. Великан рухнул наземь, и мне поверещилось, что булыжники заходили ходуном. Он вытянулся на боку, и несколько мгновений его

ноги отчаянно дергались, а потом он замер без движения.

Вот так! Я убил этого великолепного коня. Трудно, невозможно было представить себе, что какие-то несколько минут назад он стоял передо мной во всей своей мощи и красоте, и тут я сунулся с моими новейшими средствами... И вот он лежит мертвый.

Что я скажу? «Мне страшно жаль, мистер Кеттлуэлл, но я просто в толк не возьму, как это случилось»?! Рот у меня открылся, но я не сумел издать ни звука. Меня не хватило даже на хриплый шепот. Словно со стороны — как картину за окном — я отрешенно воспринимал кубические строения служб на фоне темных холмов в полосках снега под свинцовым небом, жгучий ветер, фермера и самого себя у неподвижного тела коня.

Меня пробирал ледяной холод. Я чувствовал себя глубоко несчастным, но надо было дать объяснение. Испустив дрожащий вздох, я снова открыл рот, но тут конь чуть приподнял голову, и я ничего не сказал. Как и мистер Кеттлуэлл. А конь-великан перевалился на грудь, посмотрел по сторонам, потом поднялся на ноги, тряхнул головой и подошел к своему хозяину. Исцеление было столь же стремительным и невероятным, как и жуткий коллапс. Даже падение на булыжник ему как будто не причинило ни малейшего вреда.

Фермер встал на цыпочки и похлопал коня по шее.

— А знаете, мистер Хэрриот, бляшки-то почти совсем пропали.

Я подошел посмотреть.

— Совершенно верно. Они уже практически неразличимы.

Мистер Кеттлуэлл изумленно покачал головой.

— Да уж, новое ваше лекарство прямо чудеса творит. Только я вам одно скажу, вы уж не обижайтесь. — Тут он положил мне ладонь на плечо и заглянул в глаза. — Слишком уж оно, на мой взгляд, сильновато действует.

Отъехав от фермы, я остановил машину с подветренной стороны высокой стенки. Меня охватила великая усталость. Такие испытания для меня вредноваты. Я уже распротился с молодостью — мне перевалило далеко за тридцать, — и такие потрясения больше не проходили даром. Я опустил зеркало заднего вида и обозрел свою физиономию. Выглядел я довольно бледно. Однако далеко не таким побелевшим от ужаса, каким ощущал себя. Не проходило и ощущение вины, а также недоумение, сдобренное привычной мыслью о том, что существуют более легкие способы зарабатывать хлеб насущный, чем профессия сельского ветеринара. Работаешь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, вечная грязь и, сверх того, постоянные душевные травмы из-за катастрофических происшествий вроде недавнего, пусть оно и завершилось благополучно. Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Когда спустя минуты две я их открыл, сквозь тучи пробилось солнце, озарив зеленые склоны, заставив сверкать сугробы, вызолотив каменные россыпи. Я опустил стекло и глубоко вдохнул холодный чистый воздух, свежий и пряный, струящийся с вересковых пустошей вверху. Всепоглощающую тишину нарушил крик кроншнепа, а в траве у дороги я различил первые весенние цветы.

Ко мне возвращалось душевное спокойствие. Может быть, я и не навредил коню мистера Кеттлу-

элла. Может быть, антигистамин иногда дает подобную реакцию. Но что бы там ни было, едва я завел мотор и поехал дальше, как мной овладело давно знакомое чувство: до чего же хорошо работать с животными среди этой волшебной природы! До чего же мне повезло, что я практикую среди йоркширских холмов!

Щенуля

Бесспорно, нервное потрясение обостряет восприимчивость. Во всяком случае, когда я, все еще испытывая отчаянное сердцебиение, покинул ферму Кеттлуэлла, чтобы продолжить утренние визиты, мне казалось, будто все вокруг я вижу в первый раз. Впрочем, и работая, я всегда ощущал окружающую красоту и ни на йоту не утратил то восторженное изумление, которое вспыхнуло во мне, когда я впервые увидел сельский Йоркшир, но в это утро волшебство холмов обрело особую силу.

Мои глаза то и дело отрывались от дороги, скользили по крутым склонам, наслаждались зеленым узором огороженных лугов, тяжелым трудом отвоєванных у вереска, и созерцали вершины с тем волнением, которое неизменно вызывали у меня эти высоты, хранящие величие дикой природы.

Покинув уединенную ферму, я не удержался от соблазна, поставил машину на неогороженной обочине и с Диной, моим биглем, отправился к маящей вершине. Снег тут исчез чуть ли не за одну ночь, и только под стенками тянулись белые полосы. Ощущение было такое, словно все запахи земли и молодых ростков долго томилась в заточении, а теперь, освобожденные весенним солнцем,

вырвались на волю потоками сладчайшего благоухания.

Нигде ни единого следа человека, и мы с собакой поднимались среди многомильных просторов вереска, торфяников и бочажков, где по черной воде бежала рябь и под вечным ветром гнулась осока.

Тени летящих облаков накрывали меня, расписывали узорами из сумрака и света уходящие вдаль зеленые и бурые склоны. Я пьянел только оттого, что находился здесь, на самой крыше Йоркшира. Пейзаж без единого живого существа, безмолвный, если не считать отдаленного крика птицы, но я лишь еще больше пьянел от безлюдья, от ощущения близости всего сущего.

Как всегда, очарование пустынных вершин, точно пение сирен, соблазняло меня задержаться среди них, но время шло, а мне предстояло навестить еще несколько ферм.

Последнюю я покинул с чувством, что день прожит не напрасно, и поехал назад в Дарроуби. Вот, царя над скоплением крыш, показалась его квадратная колокольня, и вскоре моя машина запрыгала по булыжнику рыночной площади, окруженной магазинчиками и трактирами, которые обслуживали трехтысячное население городка.

В дальнейшем ее углу я свернул на Тренгейт, улицу, где находилась наша приемная, и остановился перед Скелдейл-хаусом, увитым плющом трехэтажным домом из порыжевшего от времени кирпича, где я не только работал, но и счастливо жил с моей женой Хелен и двумя нашими детьми.

Сразу же в памяти всплыли незабываемые дни, когда мой партнер Зигфрид Фарнон и его неподражаемый брат Тристан жили и смеялись здесь в на-

ши холостые дни. Теперь оба обзавелись семьями и собственными домами. Тристан служит в Министерстве сельского хозяйства, а Зигфрид по-прежнему остается моим партнером, и в тысячный раз я возблагодарил Бога, что оба брата — все еще самые близкие мои друзья.

Моему сыну Джимми исполнилось десять лет, дочурке Розе — шесть; в этот час они были в школе. Но по ступенькам крыльца сбегал Зигфрид, расковыная по карманам флаконы и пузырьки.

— А, Джеймс! — воскликнул он. — Вам как раз звонили. Одна из ваших самых обожаемых клиенток, миссис Бартрам. Щенуля нуждается в ваших услугах. — И Зигфрид ухмыльнулся.

Я криво улыбнулся в ответ.

— Чудесно. А вам самому не захотелось туда съездить?

— Да что вы, мой милый! Мог ли я лишиться вас такого удовольствия? — Бодро помахав рукой, он забрался в машину.

Я поглядел на часы. До обеда еще тридцать минут, а Щенуля обитает совсем рядом. Я вытащил из машины чемоданчик и пошел по тротуару.

В воздухе плавал божественный аромат жареной рыбы с хрустящим картофелем, и, ощутив приступ острого голода, я заглянул в окно лавки, за которым фигуры в белоснежных халатах подцепляли на плетеные лопаточки обжаренные в тесте селедки и водружали их на золотистые горки картофеля.

В этот час торговля шла очень бойко, и очередь в лавке, закрутившись улиткой, быстро продвигалась, разбирая завернутое в газету кушанье.

Одни покупатели уносили его домой, другие посыпали солью, сбрызгивали уксусом и устраивали пикничок прямо на улице.

Когда я навещал собаку миссис Бартрам в квартире над лавкой, у меня неизменно разыгрывался аппетит. И я еще раз вдохнул дразнящее благоухание, а затем свернул в проулок и поднялся по лестнице.

Миссис Бартрам, по своему обыкновению, восседала в кресле на кухне — толстая, грузная, с ничего не выражающим лицом, с неизменной сигаретой во рту.

Из пакета, лежавшего у нее на коленях, она скармливала картофелинки своему псу Щенуле, который, сидя напротив, ловко ловил их на лету.

Облик Щенули не слишком соответствовал кличке. Был он огромен, космат и отличался суровым нравом. Я всегда обходился с ним очень уважительно.

— Он по-прежнему жиреет, миссис Бартрам, — сказал я. — Вы не изменили его рацион, как я советовал? Помните, я говорил, что ему вредно питаться только рыбой с картошкой?

Миссис Бартрам пожала плечами, осыпав перлом грудь.

— Как же, помню. Я пробовала. Давала ему каждый день только рыбу, а он нос воротил. Он картошку любит, можно сказать, обожает.

— Так-так. — Особенно распространяться на эту тему я не мог, поскольку миссис Бартрам, по моему, сама ничего другого не ела, и было бы бестактно указать, что большие куски зажаренной в тесте рыбы никак не способствуют похуданию. Ведь если мало было Щенули, ее собственная фигура нагляднейшим образом подтверждала этот факт.

Глядя на обоих, я вдруг обнаружил между ними удивительное сходство. Сидят выпрямившись друг против друга, массивные, неподвижные, но внушающие ощущение дремлющей силы.

Раскормленные собаки обычно ленивы и добродушны, однако неисчислимые почтальоны, мальчишки-газетчики и лотошники пускались в папическое бегство, ибо Щенуля имел обыкновение превращаться в чудовище, облаивающее их сверкающие пятки. Никогда не забуду, как торговец щетками, обвешанный образчиками своего товара, мирно подъехал на велосипеде ко входу в квартиру и сразу же рванул с места, точно будущий победитель велосипедных гонок «Тур де Франс», — это на улицу вылетел Щенуля.

— Ну так что случилось, миссис Бартрам? — спросил я, меняя тему.

— Да глаз у него. Все слезится.

— Вижу-вижу. — Левый глаз гигантского пса почти заплыл, и по шерсти тянулись темные дорожки от сочащейся влаги. Такое украшение на морде придавало ему даже более зловецкий вид. — Несомненно, раздражение. Возможно, инфекция.

Было бы недурно установить причину. Соринка? Или конъюнктивит? Я хотел было оттянуть веко, но Щенуля, не шелохнувшись, уставился на меня здоровым глазом и ощерил два ряда грозных зубов. Я убрал руку.

— Да... Вот тюбик с антибиотиком. Выдавливайте понемножку в глаз три раза в день. Вы сумеете, верно?

— Само собой. Он же смирный как ягненок! — Без всякого выражения миссис Бартрам прикурила новую сигарету от дотлевающего окурка и глубоко затянулась. — Я с ним делаю что захочу.

— Отлично, отлично.

Роясь в чемоданчике, я в который раз переживал давно привычное поражение. Лечить Щенулю всегда приходилось на почтительном расстоянии.

В обращении с ним я не допускал глупостей вроде попытки измерить температуру. По правде говоря, за все время нашего знакомства я пальцем к нему не притронулся.

Через две недели миссис Бартрам сообщила, что глаз Щенули не только не прошел, но стал еще хуже.

Я торопливо поднялся в квартиру, вдыхая восхитительные запахи, которые доносились с первого этажа из лавки. Щенуля сидел напротив хозяйки в уже знакомой позе. Бесспорно, из глаза у него текло сильнее. Однако на этот раз в глазу почудилось еще что-то, и я наклонился почти к самой собачьей морде. Тут глухое ворчание предупредило дальнейшие мои вольности, но я уже обнаружил причину: под краем века развилась маленькая папиллома и раздражала роговицу. Я обернулся к миссис Бартрам.

— У него там маленькая опухоль. Она раздражает глаз и вызывает слезоотделение.

— Опухоль? — Лицо этой дамы редко что-нибудь выражало, но тут одна бровь дернулась, и сигарета во рту подпрыгнула. — Не нравится мне это.

— Нет-нет, она абсолютно доброкачественная, — сказал я. — Никаких причин тревожиться нет. Я легко ее удалю, и он снова будет совершенно здоров.

Я говорил с полной искренностью — операция действительно самая пустяковая и обычная. Местная анестезия, щелчок ножницами Рихтера — и больше никаких забот. Но тут я посмотрел на огромного пса, который мерил меня холодным взглядом, и по моей коже пробежал холодок. С Щенулей вряд ли все пройдет так уж просто.

Когда на следующий день миссис Бартрам привела его к нам и оставила в смотровой, выяснилось, что для опасений были все основания. Его несомненно требовалось усыпить, а мы располагали превосходными новейшими транквилизаторами вроде ацетилпромазина. Оставался суций пустяк: один из нас ухватит эту львиную голову, а второй защитит кожу и введет иглу. Однако Щенуля дал недвусмысленно понять, что ничего подобного он допускать не намерен. Оказавшись в незнакомом месте и чувствуя, что ничего хорошего ждать не приходится, он с рыком бросился на нас с Зигфридом, едва мы открыли дверь.

А потому мы тотчас ее закрыли.

— Собачник? — предложил Зигфрид с сомнением в голосе.

Я мотнул головой. Собачник — длинная палка с мягкой петлей на конце — применялся, когда надо было утихомирить трудную собаку. Петлю накидывали ей на шею и так удерживали, пока производилась инъекция. Однако шансов удержать таким образом Щенулю было не больше, чем остановить матерого гризли с помощью лассо. Положим даже, нам удастся набросить на него петлю, но тогда начнется бешеная борьба, и еще вопрос, кто выйдет из нее победителем.

Однако мы не раз имели дело с опасными собаками, и в запасе был еще один способ.

— Похоже, тут без нембутала не обойтись, — буркнул Зигфрид, и я согласно закивал.

Для животных, не подпускающих к себе, у нас в холодильнике всегда хранился сочный говяжий фарш. Перед таким деликатесом не могла устоять ни одна собака. Подмешать парочку капсул нембутала в фарш трудности не составляло. А потом

оставалось только ждать, когда пациент погрузится в блаженный сон.

Это срабатывало всегда. Но отнимало массу времени. Удалить маленькую папиллому можно за единый миг. Но перед тем придется ждать минут двадцать, пока спотворное подействует. Готовя сдобренный нембуталом фарш, я старался не думать о срочных вызовах на фермы, где нас ждут не дождутся.

Смотровая выходила в сад, а единственное окно было чуть приоткрыто. Я протолкнул фарш в оконную щель, и мы вернулись в приемную готовиться к дневному объезду. Потом пошли в сад, полагая, что Щенуля мирно посапывает на полу в смотровой. Но тот ринулся к окну, рыча как оголодавший волк. На полу лежал нетронутый фарш.

— Нет, вы только взгляните! — воскликнул я. — Просто глазам своим не верю! Еще ни одна собака не отказывалась от такого чудесного угощения.

— Чертовски неудачно! По-вашему, он учуял нембутал? — спросил Зигфрид. — Попробуем дать ему порцию фарша побольше.

Я изготовил новую приманку и протолкнул ее в окно. Сами мы тут же отошли в сторону, чтобы собака не заподозрила неладное. Через несколько минут мы снова подкрались к окну. Картина не изменилась ни на йоту. Щенуля и не подумал попробовать фарш.

— Так что же нам делать, черт подери?! — взорвался Зигфрид. — Нам отсюда до обеда не выбраться!

И действительно, обеденный час приближался: ветер с улицы доносил благоухание лавки, торгующей рыбой с жареной картошкой.

— Минутку! — воскликнул я. — Мне все ясно!

Я галопом пронесся по улице и вернулся с пакетом жареного картофеля. Вложить капсулу в картофелину и просунуть ее в окно было секундным делом. Щенуля проглотил любимое лакомство в мгновение ока и без малейших колебаний. Еще картофелина с капсулой и еще, пока пес не получил полную дозу.

На наших глазах его свирепость стремительно пошла на убыль, сменилась туповатым добродушием, а еще через минуту-другую он сделал пару неверных шагов и повалился на бок. Победа осталась за нами. Когда мы вошли к нему, Щенуля пребывал в счастливом забытьи, и мы незамедлительно удалили папиллomu. Позднее за ним зашла хозяйка, но наркотический кайф еще не совсем прошел. В приемной, куда она привела любимца, его голова возвышалась над краем стола, и он прямо-таки ухмыльнулся мне, когда я опустился на стул.

— Мы убрали папиллomu, миссис Бартрам, — сказал я. — Глаз у него теперь будет в порядке, но я пропишу ему курс линкомициновых таблеток, чтобы инфекция не развивалась.

Взявшись за ручку, чтобы написать указания к применению, я скользнул взглядом по другим, уже готовым рецептам. В те дни, когда инъекции еще не стали всеобщей панацеей, многие наши лекарства вводились через рот, и указания на рецепте отличались большим разнообразием. «Микстура для вола. Давать в пинте воды с патокой». «Слабительное для теленка. Давать в полпинте жидкой овсянки».

Мое перо на мгновение замерло над бумагой, а затем впервые в жизни я прописал: «Таблетки для собаки. Давать по одной трижды в день в жареной картофелине».

Хэрриот Дж.

Х 99 Вечное чудо жизни / Джеймс Хэрриот ; пер. с англ. И. Гуровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22952-5

Джеймс Хэрриот занимает особое место в истории английской литературы. И сколько бы времени ни прошло, его тонкие, добрые и умные истории о любви и сострадании к людям и животным находят отклик в сердце все новых читателей. В книге «Вечное чудо жизни» автор снова возвращает читателя в знакомый уголок сельской Англии, затерянный среди холмов Йоркшира, и представляет своих старых друзей: миссис Памфри с ее незабвенным мопсом Трики-Ву, Зигфрида Фарнона, партнера, с которым Хэрриот начинал свою ветеринарную практику, и конечно же Хелен. Есть и новые персонажи, среди которых его чудаковатый помощник и друг Колем Бьюканан и его подростковые дети, которым Хэрриот передал свою бесконечную любовь к природе и нашим меньшим братьям. В русском переводе книга выходила также под названиями «Все живое» и «Среди Йоркширских холмов».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ
ВЕЧНОЕ ЧУДО ЖИЗНИ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Ольга Попова, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.04.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

A-VAK-31897-01-R